

Двойное зеркало романтизма

Карл Шмитт. Политический романтизм /
Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца под ред.
Б. М. Скуратова, послесл. А. Ф. Филиппова.
М.: Праксис, 2015. — 460 с.

В издательстве «Праксис» опубликована книга, появление которой читающая публика встретила с симпатией, но без исследовательского интереса. Большинству ценителей творчества Карла Шмитта его «Политический романтизм» (1919) хорошо знаком в оригинале¹ или в английском переводе Гая Оукса². Либо же в переводе Юрия Коринца: русскоязычная версия текста блуждала по просторам Рунета в течение последних восьми лет.

Зная о таком положении «Политического романтизма», его издатели дополнили официальный русский перевод содержательными приложениями и комментариями. В книге можно найти послесловие Александра Филиппова, начало которого в 2010 году было опубликовано в «Социологическом обозрении»³, рецензию Георга Лукача на книгу Шмитта и труды «политического романтика» Адама Мюллера, которого Шмитт обличал за уход от «решений» в сторону «вечного разговора». «Да будет услышана другая сторона» — гласит старый правовой принцип; юрист Карл Шмитт, вероятно, подобный выбор издателей одобрил бы.

Важно начать с главного текста. Прежде чем перейти к области политического, Шмитт пытается определить сущность романтизма. Он отказывается задавать ее через привычные для того объекты внимания («прошлое», «возвышенное» и т. д.), пытаясь увидеть *романтическое* в уникальности *субъекта*, которой рассматривает «мир как повод и возможность своей... продуктивности» (30).

1. См., напр.: *Schmitt C. Politische Romantik*. В.: Dunker & Humblot, 1998.
2. См.: *Schmitt C. Political Romanticism*. Cambridge, MA: MIT Press, 1986.
3. См. об этом: *Филиппов А. Ф. Политический романтизм Карла Шмитта // Социологическое обозрение*. 2010. Т. 9. № 1. С. 66–74.

Подобный подход становится следствием субъективации, которой, по Шмитту, был подвергнут окказионализм — философское течение XVII столетия, представлявшее вселенную поводом (*occasio*) для творческой деятельности Бога.

Романтизм, спроецированный на область политики и права, приводит к утрате нормативности, желанию сконцентрироваться на себе, уходу от подлинного решения, которое в силу общественного характера политического должно затрагивать не только собственное «Я», но также и нечто *другое*. «Политический романтик» воспринимает реальность государства и права не как то, что ему следовало бы понять и установить, а в качестве повода для собственных слов и мечтаний.

Ему свойственны многие черты романтического поэта. И то, что можно назвать достоинством в области эстетического, неприемлемо политически. Поэт может быть говорлив и в то же самое время нерешителен; политик таким быть не может. Романтик политически непродуктивен: столкнувшись с проблемой, он старается уничтожить факторы, выстраивающие противоречия, упраздняет необходимость выбора созданием новой инстанции. Шмитт подчеркивает, что «это не высшее, но иное Третье, то есть всегда уклонение от или-или». Из-за своей принципиальной неспособности сделать выбор романтик «отвергает „юридическое“ как нечто тесное и механическое и ищет государство, возвышающееся над правом и несправедливостью» (201).

Шмитт подвергает уничижительной критике воззрения немецких романтиков (в первую очередь Мюллера), которые устранялись от принятия онтологически важных решений и сводили политику к «вечному разговору», то есть поверхностному снятию противоречий между врагами (классами или сословиями) в некоем «третьем», которым могли стать государство, нация, церковь да и вообще все что угодно:

Такие слова и впечатления, как «трансцендентальный», «тотальность», «культура», «жизнь», «традиция», «длительность», «аристократия», «государство», «Церковь», обосновываются такими суждениями, которые сами опять-таки конституируются из оформления аффекта. Все это — резонерствующий резонанс, в котором слова и аргументы переплавляются в лирическую философию государства, в поэтическую науку о финансах, в музыкальную агрономию (188).

Читая фрагменты трудов «Основы искусства государственно-го управления» (1809) и «Ведение внутреннего государственно-

го хозяйства...» (1812), как будто бы начинаешь понимать, почему Шмитт столь навязчиво, порой даже одержимо критикует Мюллера. Последний злоупотребляет идеей троичности — не совсем в христианском или же в гегелевском смысле, — и в итоге его построения выглядят не только спекулятивно, но и пародийно:

... для всякого человеческого воздействия, действия, формирования и производства необходимы три части: сила, инструмент (или труд) и материал (433).

К кузнечному искусству относятся три части, а преобладающее значение инструмента является лишь мнимым (434).

То же касается и государева искусства правления. Государь имеет три свойства или же существует в трех лицах (436).

У неприязни к романтизму может быть и другая причина, подчеркивает Филиппов. По его мнению, Шмитт таким образом отстранялся от своего прошлого. В начале 1910-х годов Шмитт познакомился с романтическим поэтом Теодором Дойблером, о поэме которого написал книгу⁴. «Политический романтизм» обозначает разрыв с традицией, символом которой выступал Дойблер. Разъединение с чем-то внутренне важным всегда протекает болезненно. Чем сильнее оно вас удерживает, тем яростнее вы отрываетесь. «Война была очень жестокой, поскольку связи между нами были еще крепки», — признавались жители прежде единой Югославии.

«Политический романтизм» знаменует начало децизионистского периода творчества Шмитта, его интерес к «Решению»⁵, поляризации, в рамках которой дружественная дискуссия и подлинный компромисс почти невозможны. Подобное отрезвление было вызвано итогом войны — романтический дух дискуссии не смог помешать поражению Германии, столкновениям между коммунистами и правыми в 1919 году на улицах Берлина и Мюнхена. Отсутствие важных решений разрушило систему, которая нуждалась в подлинном руководителе, пусть даже и чрезвычайном — буквально в диктато-

4. См.: *Schmitt C. Theodor Däublers «Nordlicht»: Drei Studien über die Elemente, den Geist und die Aktualität des Werkes.* München: G. Müller, 1916.

5. Внимание к «решению» как акту суда Шмитт проявлял еще раньше, см.: *Schmitt C. Gesetz und Urteil. Eine Untersuchung zum Problem der Rechtspraxis.* В.: O. Liebmann, 1912. Его интерес связан прежде всего с проблематикой «правовой нормы», не существующей в некоей особой области долженствования, как у Ганса Кельзена, но всегда выражающейся посредством актов конкретных людей, в которых находят свое отражение их ценностные ориентиры.

ре. По видимости, из такого настроения впоследствии и выросла «Диктатура», изданная Шмиттом в 1921 году.

На протяжении своей долгой жизни Шмитт декларировал стойкое неприятие к романтизму и свойственному тому культу дискуссии⁶. В «Духовно-историческом состоянии современного парламентаризма» (1923) он обнаруживает сходство между последним и либеральным по духу парламентским представительство:

Истина становится простой функцией вечного соревнования мнений. По отношению к истине это означает отказ от окончательного результата. Немецкой мысли эта вечная дискуссия стала более доступной в романтическом представлении о вечном разговоре, и здесь можно попутно отметить, что уже в этой связи проявляется вся идейно-историческая неясность обычных представлений о немецком политическом романтизме, который характеризуется как консервативный и антилиберальный⁷.

Во втором издании «Понятия политического» (1932), где Шмитт вводит дихотомию друга и врага, он пишет о том, что либерализм, для которого типична дилемма «дух — экономика», попытался растворить врага с духовной стороны в дискутирующем оппоненте, тогда как со стороны торгово-экономической — в конкуренте. В небольшом труде «Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса» (1938) мы можем прочесть:

То обстоятельство, что Бог ежедневно играет с Левиафаном, изначально относилось, по-видимому, к каббалистическому истолкованию фрагмента из книги Иова, в котором звучит некоторая ирония в отношении властей этого мира, хотя, конечно, это не субъективистская романтическая ирония, поскольку образ этот еще полностью остался в сфере демонического и метафизического⁸.

То есть образ «не выдернут» из нее романтической продуктивности, способной впоследствии превратить демона во что угодно, наделить любым смыслом.

6. Подобное отношение в то время в Германии не было редкостью. Схожие идеи разделял, например, Освальд Шпенглер. См. об этом: Назмутдинов Б. В. Годы дискуссий и время решений // Русский журнал. 25.09.2009. URL: <http://russ.ru/pole/Gody-diskussij-i-vremya-reshenij>.
7. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. С. 187–188.
8. Он же. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб.: Владимир Даль, 2006. С. 142.

Впрочем, философия Шмитта также может быть названа романтической, но уже на других основаниях. Немецкому политическому романтизму как течению мысли был свойственен органицизм, мысль о коллективном целом как макроантропосе (Новалис). Шмиттианская конструкция государства вполне совместима с подобным видением. Конституция как публичное решение народа о способе и форме политического единства, суверен как ум государства, спасающий целое, вводя чрезвычайное положение, — все это органицистские метафоры.

Отметим, что русский перевод выполнен по второму немецкому изданию 1925 года, признанному классическим. Как подчеркивает сам Шмитт, это издание включает в себя статью «Политическая теория и романтизм», опубликованную в 1920 году. Английские переводы (1986, 1991, 2011) выполнены с того же издания. Предисловие к книге 2011 года проясняет значение нескольких спорных терминов. В ней отсутствуют предисловия редактора и переводчика, что-то можно найти в комментариях, однако и в них имеется ряд несостыковок с послесловием: упоминается Фридрих Мейнеке, а Филиппов пишет о нем как о Фридрихе Майнекке. Подобное расхождение достаточно важно, поскольку именно Майнекке (Мейнеке), считает Филиппов, заговорил первым о политическом романтизме.

Достраивая контекст, в котором существует «Политический романтизм», можно заметить его антагонизм с известной статьей Вальтера Беньямина «К критике насилия» (1921). Для нее единственным способом ненасильственного взаимодействия выступает беседа, дискуссия. Все остальные способы общения, включая «соглашение», содержат в себе зародыш насилия — компромисс сохраняет идею, что «все могло быть иначе», — и потому дисквалифицируются. Концепция далее повлияла на коммуникативную теорию Юргена Хабермаса. Ее последователи критикуют учение Шмитта за то, что оно отрицает важнейшую роль сферы политики: стремиться в процессе общения находить общность понятий о праве и справедливости. Для Шмитта же все эти попытки — романтический символ бесплодного «вечного разговора».

Булат Назмутдинов